

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье анализируются научные публикации XX–XXI веков, посвященные актуальным вопросам историко-культурного наследия и проблемам становления новых направлений его исследования. Внимание ученых было сосредоточено на переосмыслении феномена культурного наследия, системы взглядов и представлений о нем, расширении типологии наследия, методов его изучения, терминологического аппарата и инструментария, разработке теории «социального измерения наследия», переоценке практик его сохранения и «международных режимов» использования.

Ключевые слова: исследования наследия, культурные ценности, материальное и нематериальное культурное наследие, памятники истории и культуры, наследие и время, Россия, мир.

Ключевыми понятиями исследований наследия в современном мире являются «культурные ценности», «памятники истории и культуры», «культурное наследие», «природное наследие», «нематериальное культурное наследие». Несмотря на то, что они раскрыты и закреплены в национальных и международных правовых актах, их интерпретация остается дискуссионной и вызывает немало вопросов у отечественных и зарубежных специалистов. Историки, археологи, архитекторы, искусствоведы, музееведы, культурологи, философы, юристы наполняют их разными смыслами, которые определяются региональной и языковой спецификой существующих в разных странах мира социокультурных концепций и практик.

В первую очередь это касается таких основополагающих понятий, как «культурное наследие» и «культурные ценности», эквивалентность которых подвергается сомнению, особенно в правовой сфере, избегающей, как известно, неоднозначность, инвариантность трактовок и определений. Так, юрист Европейского Союза и преподаватель Миланского университета Манлио Фриго обращал внимание на то, что понятие «культурные ценности» (cultural property) не является самодостаточным, его нельзя раскрыть вне связи с понятием «культурное наследие» (cultural heritage) и представлением о том, к какому этно-национальному наследию относятся те или иные культурные ценности. Поэтому в области правового регулирования невозможно «придерживаться принципа общего наследия всего человечества, с точки зрения либо культурных ценностей, либо культурного наследия, и применять соответствующий правовой режим» [1].

В подтверждение своей позиции М.Фриго ссылался на документы международного права: Гагскую конвенцию 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, Конвенцию 1970 года ООН по вопросам образования, науки и культуры о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности и второй Протокол к Гагской конвенции 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 26 марта 1999 года. Кроме того, было обращено внимание на то, что в Конвенции ЮНИДРУА (Международного института унификации частного права) о похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностях от 24 июня 1995 года употребляется также термин “cultural objects”, тогда как в остальных документах используется понятие «наследие»: в Европейской конвенции 1969 года об охране археологического наследия и Конвенции 1985 года об охране архитектурного наследия Европы, Конвенциях ЮНЕСКО о защите всемирного культурного и природного наследия 1972 года, об охране подводного культурного наследия 2001 года, об охране нематериального культурного наследия 2003 года и Декларации ЮНЕСКО, касающейся преднамеренного разрушения культурного наследия, от 17 октября 2003 года. Анализ данных правовых актов и комментариев к ним позволил М.Фриго подтвердить для него очевидное, а именно, что «понятие культурного наследия по сравнению с понятием культурных ценностей имеет более

широкие рамки» и понятие культурных ценностей «не соответствует понятию культурного наследия по охватываемым предметам» [2].

Однако так считают не все. Иной точки зрения придерживается, например, исследователь из России, кандидат культурологии Л.В.Малкина, которая после изучения тех же самых документов Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры пришла к прямо противоположным выводам: «По результатам анализа международно-правовых актов ЮНЕСКО, – констатирует она, – можно совершенно обоснованно сделать вывод, что понятие *культурные ценности* равнозначно с понятием *культурное наследие*» [3]. Средней позиции по вопросу соотношения понятий «культурное наследие» и «культурные ценности» придерживается доктор социальных наук А.Г.Буйчик, отмечавший: «...Важным представляется осознание понятия “ценности” в области культуры, что в свою очередь формирует понятие “культурной ценности”, а через него уже определение категории “культурного наследия”, которое базируется на совокупности культурных ценностей, определенных каждой цивилизацией в рамках, принятых данным социумом ценностей» [4].

Разность взглядов ученых, вместе с тем, не отрицает признания того, что культурные ценности формируют наследие, служат важным качественным показателем его значимости, поэтому разработка связанного с ними тезауруса по-прежнему сохраняет актуальность в межкультурных, языковых, юридических коммуникациях. Это относится также к понятиям «культурное наследие» и «сохранение объектов культурного наследия», которые, несмотря на существующие, законодательно установленные их определения, не являются для ученых и экспертов универсальными, отличаются широтой толкования и во многих странах раскрываются через схожие, но все же различающиеся по смыслу понятия, не только “Cultural Heritage”, но и, например, “national treasures” («национальные сокровища») или “Kulturgut” («культурное достояние»).

В последней трети XX века глоссарий связанных с наследием терминов, в том числе в области международного права (конвенций ЮНЕСКО), пополнился многогранным понятием «всемирного культурного и природного наследия», которое на рубеже XX–XXI веков было расширено за счет «подводного культурного наследия» и «нематериального культурного наследия». Вызвано это было утвердившимся среди исследователей пониманием «нематериальной ценности живой системы, вне зависимости от того природная она или культурная» и признанием того, «что многие формы наследия, не зафиксированные, не овеществленные в предметной форме и сегодня находящиеся на грани исчезновения, являются важнейшими источниками культурной идентификации, особенно для малочисленных народностей» [5].

Расширение смыслового значения понятия «наследие» привело к тому, что оно наряду с семантической революцией претерпело революцию ментальную. Если в прошлом, как отмечал, например, французский историк Пьер Нора, слово «наследие» принадлежало исключительно нотариусам и мелким рантье, то в современном мире оно получило совершенно иное звучание: «Добро, передаваемое от отца к сыну, стало силой тяготения, которая становится вашими корнями и той связью, что связывает вас с социальным целым, превращаясь в священный и бесценный залог, который следует передать потомкам. Оно сошло с небес соборов и замков, чтобы найти себе убежище в забытых обычаях и старинных умениях, в бутылках доброго вина, в песнях и диалектных поговорках. Оно вышло из национальных музеев, чтобы наводнить собой зеленые долины и отпечататься на камнях старинных улиц» [6]. Но не все было так радужно и оптимистично, особенно в глазах специалистов по наследию, критически оценивающих теорию и практику сохранения и использования культурного и природного, материального и нематериального наследия.

Больше всего замечаний и рекламаций высказывается в адрес списков объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, во-первых, за произвольность, «диспозитивность» критериев их составления, политической ангажированности и «отсутствие консенсуса относительно самого процесса отбора» [7], а, во-вторых, за коммерциализацию и маркетизацию связанных со списочными объектами социокультурных практик [8]. Так, международный эксперт Кьяра Бортолотто на примере ряда номинаций «Репрезентативного списка нематериального культурного наследия человечества» («Гастрономическая трапеза французов», «Искусство неаполитанской пиццерии», «Пивная культура в Бельгии») показывает, каким образом «предприниматели наследия» превращают «живое наследие» (living heritage) в коммерческий продукт, ориентированный на рыночный спрос и предложение и вызывающий у потребителя лишь мысль о том, «как съесть наследие...» [9]. Немало замечаний у исследователей и экспертов разных

стран возникает и к процессу отбора памятников для включения их в национальные реестры (государственные списки) историко-культурного наследия.

Начиная со второй половины XX века и вплоть до наших дней ученые мира подвергают пересмотру основанную на документах ЮНЕСКО модель оценки, защиты, консервации, реставрации объектов культурного наследия и связанную с ней проблему подлинности. Широкая практика причисления к историко-культурным памятникам реконструированных, переделанных или заново воссозданных объектов прошлого, так называемых новоделов, вызвала в мире острую дискуссию относительно понятия подлинности памятника истории и культуры, допустимых методов его реставрации и, в целом, об аутентичности сохранения культурного наследия. Многочисленные факты включения в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО частично или полностью реконструированных памятников (Ахенский кафедральный собор в Германии, Реймский собор во Франции, замок Сюри в Японии и другие), с одной стороны, способствовали закреплению и распространению копирующих объекты наследия «новодельных» практик, а, с другой стороны, примирили с ними население, которое в большинстве своем не в состоянии отличить подлинник от подделки и довольствуется тем, что есть.

Однако основной, можно сказать, ключевой проблемой разработки вопросов, связанных с наследием, по признанию исследователей, является наличие разных, нередко взаимоисключающих концепций и экспертных оценок, а также региональных практик соблюдения «международных режимов наследия», которые представлены сводом определенных правил и норм, регулирующих отношения между государствами и национальными правительствами по вопросам сохранения и использования наследия. Объяснялось это тем, что, как подчеркивал профессор Б.Г.Соколов, «несмотря на общие черты различных культур или культурных образований, они обладают своей ярко выраженной индивидуальностью и неповторимостью. Соответственно, институт культурного наследования везде различен, как и те ценности, которые он призван сохранять и передавать грядущим поколениям» [10]. В результате, для отечественных и зарубежных ученых и экспертов стала очевидной необходимостью, во-первых, пересмотра всей системы взглядов и представлений, связанных с понятием историко-культурного наследия, а, во-вторых, всестороннего рассмотрения проблемы наследия как задачи комплексного решения культурных, образовательных, социальных, экономических, юридических, экологических и прочих вопросов.

Интеллектуальными площадками обсуждения проблем наследия в разных странах мира стали научные журналы, прежде всего британский «Международный журнал по изучению наследия» (International Journal of Heritage Studies), публикации которого способствовали не только актуализации и «проблематизации наследия», но и изменению «взаимодействия с наследием»: от традиционного сохранения лучших его образцов до изучения его как «настоящего прошлого» и мощного ресурса для создания будущего, то есть активного интегрирования в современность [11]. В России вопросы наследия и главный из них, обозначенный академиком Д.С.Лихачёвым как «спасение духовно бессмертного от материальной смерти» [12], рассматривались на страницах основного отечественным Фондом культуры в 1988 г. журнала «Наше Наследие», а также созданных в текущем столетии журналах «Культурное наследие России», «Наследие веков», «Журнал Института Наследия».

В 2012 году под началом Гётеборгского университета была создана Ассоциация критических исследований наследия (Association of Critical Heritage Studies – ACHS), объединившая ученых, которые хотели расширить рамки изучения наследия и перейти от анализа связанных с ним вопросов управления и практической деятельности к рассмотрению наследия в качестве культурного, социального, политического феномена [13]. Изменение проблемного поля исследований наследия повлекло за собой необходимость, с одной стороны, пересмотра методологии изучения наследия, а, с другой стороны, переосмысления глобальной темы, названной как «наследие и время». Исследователям при работе с наследием стало важным применение междисциплинарного комплексного подхода, совмещающего классические методы социально-гуманитарных наук с такими особыми методами как, например, «методы работы с текстами (контент, дискурс-анализ и др.); методы исследования человеческого поведения и отношения к наследию (интервью, включенное наблюдение и др.); методы изучения материальных свойств наследия (включая семиотический анализ объектов)», а также «методы изучения нематериальных (виртуальных) свойств наследия...» [14].

Расширение методологии критических исследований наследия дало возможность по-новому подойти к решению проблемы «наследие сквозь призму времени», которое заключалось в поиске ответов на

целый ряд гносеологических вопросов, начиная с выяснения того, каким образом прошлое сохраняется в настоящем и переходит в будущее, «каков вклад времени и его восприятия в определение наследия» и верно ли при «анализе процесса наследования оценивать прошлое в терминах настоящего, применять ценности настоящего в качестве критериев для оценки объектов прошлого», и заканчивая вопросом «как ЮНЕСКО определяет культурное наследие, используя понятие времени?» [15]

Анализ наследия сквозь призму преемственности эпох и культур привел к «трансформации понимания наследия как объекта к наследию как социальному действию и наследию как процессу» [16]. Старый взгляд на наследие как непреложный комплекс историко-культурных и природных объектов уступил место определению его в качестве важных для разных слоев населения, изменчивых и подвижных, социальных практик («Social Action»), связанных не только и не столько с далеким прошлым, сколько с актуальным настоящим [17]. Если в былые времена, по образному выражению французского философа Мишеля Фуко, к наследию причисляли «лишь деяния великих, ибо на историю право давали лишь кровь, рождение и подвиг» [18], то в современном мире многое изменилось. Было признано существование большого числа артефактов повседневной культуры, которые широкими массами стали восприниматься как народное, демократическое наследие, а некоторыми учеными – в качестве его неофициальных форм, участвующих в современном «неавторизованном дискурсе наследия».

В научное поле критических исследований наследия было введено понятие «неофициального наследия», к которому причисляют значимые для простого населения формы и объекты массовой культуры и альтернативной истории: например, народные (самодельные) мемориалы, семейные архивы, общественные музеи, галереи «наивных» (интуитивных, «инсайтных») художников, рок-клубы, неформальные знаки и памятные места, посвященные популярным актерам, певцам, музыкантам, спортсменам. В России подобные объекты наследия и формы массовой культуры среди исследователей получили название мнимых, вызванных искусственным раздуванием их ценности и, как отмечал профессор И.В.Кондаков, «принципиальным неразличением огромным большинством реципиентов современной культуры художественности и информативности, а вместе с тем – и искусства и документа, с одной стороны, искусства и его суррогата, китча – с другой» [19].

Концептуализация понятия «неофициальное культурное наследие» тесно связана с развитием теории «социального измерения наследия», которая, с одной стороны, оправдывает широкую демократизацию наследия и право «массовой культуры» на «массовое наследие», а, с другой стороны, возлагает ответственность за его сохранение уже не столько на экспертов органов государственной власти и управления, сколько на «широкие круги» общественности. Однако они, деля наследие на свое и чужое, нужное им и ненужное, превращают его, равно как и весь процесс наследования, в конфликтное поле, особенно в странах с пестрой этнокультурной, религиозной и социальной структурой. Все это усугубляет проблему легитимизации наследия и определения ценности его артефактов, которая в условиях признания понятия «неофициального наследия» и резкого возрастания числа реальных и мнимых памятников становится все более острой.

Таким образом, во второй половине XX – начале XXI века в мире существенным образом изменилось представление о наследии, можно сказать даже, произошла революция в понимании его места, роли и значения. Как отмечал эксперт по наследию С.А.Стурейко, понятие наследия «пережило стремительную эволюцию, перейдя из глоссария наук о прошлом в разряд социологического факта и став важным элементом антропологии современности»; более того, «наследие становится предметом такой же широкой рефлексии, как продукты популярной культуры и ее потребители, оно само уже стало элементом массовой культуры» [20]. Этот новый подход к наследию обусловлен стоящими перед ним вызовами и угрозами, связанными, например, с глобализацией, мультикультурализмом, защитой культурного наследия малых коренных народов мира, экономическими кризисами, незаконным оборотом памятников истории и культуры, коммерциализацией и маркетизацией наследия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Фриго, М.* Культурные ценности и культурное наследие: «борьба понятий» в международном праве? // Международный журнал Красного креста. [Cambridge University Press]. – 2004. – № 854. – С. 79.

[2] Там же. С. 69.

[3] *Малкина, Л. В.* К вопросу о культурном наследии // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 3(86). – С. 280.

- [4] Буйчик, А. Г. Клирономия – наука о сохранении культурного наследия. История развития мировоззрения, виды и уровни культурного наследия, направления его сохранения и клирономические науки. – Mauritius : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2019. – С. 48.
- [5] Киршенблат-Гимблет, Б. Нематериальное наследие как метакультурное производство // Вопросы музеологии. – 2013. – № 2(8). – С. 4.
- [6] Нора, П. Эра коммемораций // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 123–124.
- [7] Poddubnykh, T. Heritage as a Concept through the Prism of Time // Social Evolution & History. – 2015. – Vol. 14. – № 2. – P. 108, 114.
- [8] См.: Kirshenblatt-Gimblett, B. Intangible Heritage as Metacultural Production // Museum International. – 2014. – № 66(1–4). – P. 163–174; Lixinski, L. International Heritage Law and the Market // International Heritage Law for Communities. – 2019. – № 3(2). – P. 127–167.
- [9] Bortolotto, C. Como Comerse Un Patrimonio: Construir Bienes Inmateriales Agroalimentarios Entre Directivas Tecnicas y Empresariado Patrimonial // Revista Andaluza de Antropologia. – 2017. – № 12. – P. 144–166.
- [10] Соколов, Б. Г. «Проект» проекта и память в новоевропейской культуре // Культурное наследие – от прошлого к будущему : науч. издание. – Москва ; Санкт-Петербург : Ин-т Наследия, 2022. – С. 57.
- [11] Butler, B. Heritage and the Present Past. In Handbook of Material Culture, edited by C. Tilley, W. Keane, S. Küchler, M. Rowlands, and P. Spyer. – London : Sage, 2006. – P. 463.
- [12] Лихачев, Д. С. Память преодолевает время // Наше Наследие. – 1988. – № 1. – С. 2.
- [13] См.: Gentry, K., Smith, L. Critical heritage studies and the legacies of the late-twentieth century heritage canon / Kynan Gentry, Laurajane Smith // International Journal of Heritage Studies. – 2019. – Vol. 25, Is. 11. – P. 1149.
- [14] Фелькер, А. В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // Политическая наука. – 2018. – № 3. – С. 32–33.
- [15] Poddubnykh, T. Op. cit. P. 113–115, 125.
- [16] Колесник, А. С., Русанов, А. В. Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета : История. – 2022. – № 3(58). – С. 58.
- [17] Byrne, D. Heritage as Social Action // The Heritage Reader / G. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson Jr., J. Schofield (eds.). – L. ; N.Y. : Routledge, 2008. – P. 149–173.
- [18] Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / Мишель Фуко; пер. с франц. С. Ч. Офертаса. – Москва : Праксис, 2002. – С. 267.
- [19] Кондаков, И. В. Культурное наследие: действительное и мнимое // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2016. – № 2(11). – С. 12.
- [20] Стурейко, С. А. Критические исследования наследия как альтернатива академической рутине // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 4. – С. 212.

Пархоменко Татьяна Александровна

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: ParchomenkoT@yandex.ru

Parkhomenko T.

CURRENT ISSUES OF MODERN HERITAGE STUDIES

Abstract. The article analyzes scientific publications of the XX–XXI centuries devoted to topical issues of historical and cultural heritage and the problems of the formation of new directions of its research. The attention of scientists was focused on rethinking the phenomenon of cultural heritage, the system of views and ideas about it, expanding the typology of heritage, methods of its study, terminological apparatus and tools,

developing the theory of the "social dimension of heritage", re-evaluating the practices of its preservation and "international regimes" of use.

Key words: *heritage studies, cultural values, tangible and intangible cultural Heritage, historical and cultural monuments, legacy and time, Russia, the world.*

Parkhomenko Tatiana Alexandrovna

D. in History, Head of the Department of Cultural Studies,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

© Пархоменко Т.А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 30.01.2024.

Ссылка на статью:

Пархоменко, Т.А. Актуальные вопросы современного изучения наследия // Культурологический журнал. – 2023. – № 4. – С. 46-51.
– URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/631.html&j_id=58.